

— 35 —

Председатель. Из прений можно сдѣлать заключеніе, что предложеніе проф. Н. О. Высоцкаго встрѣчаетъ сочувствіе членовъ Общества. Поэтому было бы желательно выбрать кружокъ лицъ, которые взялись бы за дѣло съ вѣрой и энергіей. Весьма полезно, чтобы въ составъ комиссіи вошли представители различныхъ специальностей. Самые выборы слѣдуетъ произвести въ административномъ засѣданіи.

Служителя—„научные сотрудники“ Казанского университета.

Проф. М. М. Гран.

С 3 портр.

Г. Г. Хассанов.

В юбилейные дни нашего университета уместно и справедливо вспомнить и о них—особенно в наше Советское время, и когда „мы“ и „они“—профессура и технические сотрудники, бывшие „служители“—являемся равными членами одного профессионального союза. Каждый из университетов может отметить ряд таких „служителей“, которые имеют право на званіе „научных сотрудников“. Понятно, это научные сотрудники технического порядка, практиканты, но все же научные сотрудники с выявленіем сознательности, своеобразного творчества и технической изобретательности. Надо признать их значительную роль в учебе студентов, в подготовкѣ научных „кадров“ прошлаго и настоящего; надо признать, что их роль в проведеніи „активных методов преподаванія“ в прошлом была очень значительна. О трех таких фигурах

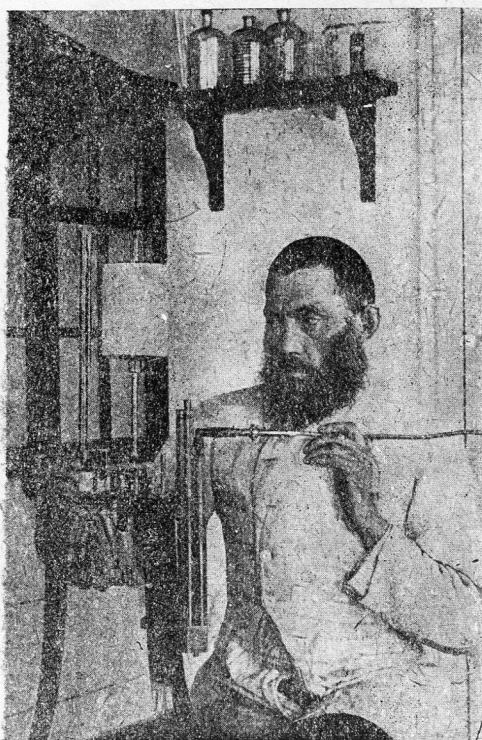

— 521 —

служителей „научных сотрудников“ Казанского университета я хочу вспомнить в эти юбилейные дни Казанского университета.

„Хассан“ — (Гайнул Гибад Хассанов) — служитель анатомического театра: он начал свою службу в анатомическом театре в 70-х годах при проф. Ермолаеве; прослужил в университете около 40 лет; оставил он службу в состоянии уже инвалидности и умер в 1925 г., дожив до глубокой старости. Длинный ряд студенческих и врачебных поколений прошли „учебу“ Хассана. У кого из старых студентов и врачей не запечатлелась эта типичная фигура в его национальном татарском костюме? Кто из них не помнит этой спокойной, выдержанной, уравновешанной фигуры с манерой держаться с чувством высокого собственного достоинства? Кто не помнит его способности и искусства готовить почти музейные анатомические препараты, скелеты и отдельные его части? Кто не помнит его великолепной обработки височной кости и умение ясно, четко, понятно продемонстрировать самые мелкие и тонкие foramen'ы и sulcus'ы? Кто не пользовался ценной учебной помощью Хассана по анатомии?

Будучи служителем анатомического театра, он глубоко интересовался медициной вообще и анатомией в частности. По свидетельству прозекторов анатомического театра (А. Суркова, Бушмакина и В. Попова — впоследствии профессора анатомии) Хассанов изучал анатомию „по книгам и на практике“. В 1909 году он решает написать анатомию на татарском языке. В этой объемистой брошюре („Очерки по нормальной анатомии человека вместе с понятием о некоторых наиболее частых заболеваниях“) даются основные понятия об анатомии, некоторых заболеваниях и мерах скорой помощи. На русском языке автор дает предисловие, которое отражает стремление внести свет науки и знания в татарскую массу. Врачи-татары Кулаев и Кутлубаев дают отзыв об этой книге, как „единственной в своем роде“. Хассанов является едва ли не первым, выпустившим на татарском языке популярную брошюру по медицине. Указанные прозектора в свою очередь дают наилучшую аттестацию этой брошюре Хассанова. Ему же принадлежит перевод на татарский язык еще двух популярных брошюр (сведения д-ра А. Н. Геннадиева — ассистента анатомического театра).

Л. Курмышев.

Разве после всего сказанного „Хассан“ не заслуживает звания „научного работника?“.

„Латыф“ (Латыф Курмышев)—служитель физиологической лаборатории проф. Н. О. Ковалевского. Второй служитель—национал-татарин. Он также прослужил в университете более 35 лет, дожил до глубокой старости и умер в 1902-1903 г. Он был активнейшим помощником профессоров Н. О. Ковалевского и Н. А. Миславского. Он не только проводил все опыты на лекциях и практических занятиях со студентами, но он был талантливым конструктором всевозможных аппаратов при постановке опытов для студентов, при научных работах самих профессоров, ассистентов и врачей-диссертантов. На мою долю лично пало работать под покровительством Латыфа. На 3-м

Я. С. Рябов.

курсе (в 1890 г.) я решил поработать научно в лаборатории Н. О. Ковалевского; последний дал мне тему „О присасывательной деятельности сердца“. Тема—особенно для студента—была трудная; литература, которую мне указал Н. О., была ограничена—в основе одна брошюра на латинском языке; главная задача работы заключалась в том, чтобы сконструировать чувствительный аппарат для кимографической записи присасывательных движений сердца; я испугался трудности задания и выразил эту боязнь Н. О., но он меня утешил словами: „не пугайтесь, вам придет на помощь Латыф, а он великолепный изобретательный конструктор“. И так в ряде случаев—не с юными студентами, а с маститыми и опытными врачами. О Латыфе „знала и за-граница: профессор физиологии Достр в Париже, в Сорбонне—преемник известного физиолога Клод-Бернара—знал о Латыфе, видимо, от проф. Н. А. Миславского и когда проф. А. Н. Миславский был в Париже, то проф. Достр спрашивал: „как поживает Латыф?“

Разве Латыф не заслуживает звания „научного сотрудника?“

Рябов Яков Степанович—„Петтенкоффер“, как его именовали студенты—служитель гигиенической лаборатории, работавший еще при профессоре М. Я. Капустине и всех его преемниках; он

курсе (в 1890 г.) я решил поработать научно в лаборатории Н. О. Ковалевского; последний дал мне тему „О присасывательной деятельности сердца“. Тема—особенно для студента—была трудная; литература, которую мне указал Н. О., была ограничена—в основе одна брошюра на латинском языке; главная задача работы заключалась в том, чтобы сконструировать чувствительный аппарат для кимографической записи присасывательных движений сердца; я испугался трудности задания и выразил эту боязнь Н. О., но он меня утешил словами: „не пугайтесь, вам придет на помощь Латыф, а он великолепный изобретательный конструктор“. И так в ряде случаев—не с юными студентами, а с маститыми и опытными врачами. О Латыфе „знала и за-граница: профессор физиологии Достр в Па-